

Время, место, судьба

*к 70-летию со дня рождения
Сергея Довлатова*

Амурская областная научная библиотека
имени Н.Н. Муравьева-Амурского
Информационно-библиографический отдел

Время, место, судьба

*к 70-летию со дня рождения
Сергея Довлатова*

Библиографический список

Благовещенск
2011

От составителя

Сергей Довлатов: время, место, судьба : к 70-летию со дня рождения : библиогр. список / Амур. обл. науч. б-ка им. Н.Н. Муравьева-Амурского ; сост. И.В. Трофимова. – Благовещенск, 2011. – 26 с.

Составитель: И.В. Трофимова
Редактор: Л.П. Кочнева
Ответственный за выпуск: Г. А. Базарная
Компьютерная верстка: И.А. Решетникова

Литературная слава Сергея Довлатова имеет недлинную историю: много лет он не мог пробиться к читателю со своими смешными и грустными произведениями, нарушающими все законы соцреализма. Выход в свет первых довлатовских книг совпал с безвременной смертью их автора в далеком Нью-Йорке. Сегодня его творчество не только завоевало любовь миллионов читателей, но и привлекает внимание ученых-литературоведов, ценящих отточность авторского стиля, лаконичность, глубину осмысления жизни при внешней простоте изложения.

Данный список литературы, включающий в себя литературоведческие обзоры, впечатления и воспоминания родных и друзей, позволяет воссоздать непростой жизненный путь писателя, историю создания его произведений, его отношений с современниками, многие из которых, изменившись до неузнаваемости, стали персонажами его книг.

В библиографический список вошли произведения С. Довлатова и статьи из периодических изданий с 1990 по 2010 годы, представленные в четырех разделах:

- *Обзор творчества*
- *Произведения С.Д. Довлатова*
- *Литература о творчестве С.Д. Довлатова*
- *Литература об отдельных произведениях*

Сергей Донатович Довлатов и его творчество

Довлатов Сергей Донатович (3.09.1941, Уфа – 24.08.1990, Нью-Йорк) – прозаик, журналист. Родился в эвакуации, в семье ленинградского театрального режиссера и актрисы. С 1944 года и до эмиграции 1978 года жил в Ленинграде. С 1959 по 1962 годы учился в ЛГУ, с перерывом на армейскую службу (1962–1965) в воензированной охране в Коми АССР. Работал в газетах Ленинградского кораблестроительного института и Ленинградского оптико-механического объединения. С 1972 по 1975 годы был сотрудником таллиннской газеты «Советская Эстония». В 1975–1976 годах – корреспондентом детского журнала «Костер», летом водил экскурсии в Пушкинском заповеднике. Эмигрировав в США, поселился с семьей в Нью-Йорке, был одним из создателей и главным редактором русскоязычной газеты «Новый американец», работал на радио «Свобода».

Прозу Довлатов начал писать в начале 1970-х годов, но всерьез заявил о себе после демобилизации. Цикл новелл, написанных в то время, позднее вошел в книгу «Зона». Произведениям Сергея Довлатова, продолжающим традиции русской юмористической прозы А. П. Чехова, М.М. Зощенко, М.А. Булгакова, присущи острая достоверность детали, изысканная простота и особый лаконизм поэтики бытового анекдота.

Его интонация, одновременно ироническая и щемящая, – самая русская интонация в русской литературе. Можно сказать, что наша жизнь и наша литература «эпохи застоя» настойчиво требовала такого писателя, как Довлатов – все уже для него было готово. Он писал смешно, и этот записанный фарс, осужденный начальниками всех рангов, оказался самым точным портретом того времени. Подобно тому, как из эпохи «великих сдвигов» двадцатых-тридцатых годов, отодвинув все орденосные тома, любимой книгой масс, лучшей и, откровенно говоря, единственно читаемой книгой о тех годах стали «Двенадцать стульев». Гениально об этом сказал Марсель Пруст: «В веках от литературы остается лишь гротеск – «Золотой осел», «Дон Кихот», Швейк и Остап Бендер». И Довлатов с его нетипичными романами в этом ряду.

Довлатов как писатель по возрасту опоздал к короткому периоду духовного подъема – «оттепели», не успел войти в «обойму» новых

авторов. По признанию самого Довлатова, он долго не мог взять в толк, почему журналы и издательства не хотят его замечать. «И, наконец, понял. То, о чем я пишу, не существует. Власти претворяются, что этой жизни нет». Книги Сергея Довлатова – лучше всего сохранившееся свидетельство нашей эпохи перестройки, гласности, ускорения, очередей, талонов, – самое точное и самое интересное. Довлатов описывал то, что видел, саму реальную жизнь. Отсюда справедливый, объективный и безжалостный взгляд на 70-е годы. Да, его герой человек слабый, безвольный, часто лгуний, на кухне, со стаканом в руке поругивающий советскую власть, то и дело меняющий место работы, но это и есть типаж человека того времени. И герои Довлатова – главные «герои нашего времени». Он и создавал их такими, какими они были в реальности. Да и сам автор «...на первый взгляд производил впечатление разгильдяя, безусловно одаренного некоторыми способностями, но бессмысленно прожигающего их в раздрызганной, пьяной жизни. В которой он все не доводил до ума, бросал, проигрывал, проваливал даже самые беспроигрышные начинания, разбивал свое лицо неаполитанского красавца о все встречные столбы, а порой даже искал их специально».

Все довлатовское наследие достаточно однородно и автобиографично. Он не стремился что-то сочинять, проповедовать, чему-то учить. Он достоверно показал людей, ситуации, настроения, атмосферу того исторического отрезка времени, который принято называть эпохой застоя. По взыскательной скромности Довлатов утверждал, что «в его повествованиях никакой морали не заключается, так как сам автор не знает, для чего люди живут». В этом обстоятельстве прозаик видел разницу между собой, рассказчиком, и классическим типом писателя, осведомленного о высших целях. Непредвзятое и снисходительное отношение к людям – при беспощадной наблюдательности – сообщает прозе Довлатова обаяние и остроту. Люди, их слова и поступки в его рассказах становились живее и интереснее, чем в жизни, и получалось, что жизнь не такая уж однообразная рутинка, что она забавнее, интереснее, драматичнее, чем кажется, значит и дела наши не так плохи. И не то чтобы Довлатов непременно хотел рассмешить читателя, просто он умел рассказать о том, что увидел, услышал, пережил так, что читателю открывалась суть нашей жизни (а ни о какой другой он не писал), которая в основе своей, к сожалению, часто бывает абсурдной.

При этом писатель именно рассказывал: он любил повторять, что считает себя собственно не писателем, а рассказчиком. Поэтому-

то повествование в его – обычно довольно коротких – произведениях разворачивается с поразительной естественностью: возникает эффект «не сочиненного», а того, что случилось с самим рассказчиком на самом деле. Тем более, что у Довлатова повествование часто основывается на автобиографических фактах, населено реально существовавшими персонажами. Писатель превратил свою биографию в литературное произведение, читатель знает о его жизни все. Это сам Довлатов, призванный в армию, служил охранником в зоне особого режима – отсюда подкупающая достоверность «Зонь» (1982). Это он три года прожил в Таллине, работая в тамошней партийной газете «Советская Эстония», – так появились рассказы, объединенные в книге «Компромисс» (1981). После запрета на публикацию сборника, бесконечных отказов из советских издательств и журналов, работал экскурсоводом в Пушкинском заповеднике – «Заповедник» (1983). Повесть «Наши» (1983) – история семьи писателя. Потом была эмиграция – повести «Ремесло» (1985), «Чемодан», «Иностранка» (1986), «Невидимая газета» (1987). Литературный успех в США, публикации в журнале «Нью-Йоркер», где до Довлатова из русских писателей печатался только Набоков, – все эти сюжеты, иной раз с многочисленными вариациями, описаны самим автором.

Можно сказать, что Довлатов создал в литературе «театр одного рассказчика». Автор настаивает на том, что он «всего лишь рассказчик, повествующий о том, как живут люди». На самом деле он писал о том, как они не умеют жить – истории одновременно грустные и смешные. Строго говоря, Довлатов неуклонно претворяет автобиографический материал в метафоры, а точнее, в анекдотические притчи.

Жизнь его ничем не отличалась от жизни сверстников: школа, университет (где он недолгое время учился на филологическом факультете), служба в армии, а после демобилизации – газетная поденщина. Только все это было не так, как у других: университет оставил без сожаления, в армии попал в тот ад, что называется лагерной охраной, службу в газете воспринимал явно иронически. И все потому, что всякий раз чувствовал себя не на своем месте, он хотел только писать. В среде ленинградских литераторов его имя уже в 60-е годы обрело известность, его читали, хвалили, но печатать отказывались. Впрочем, по позднему собственному признанию, «потеряв честь с совестью», он два раза напечатался, но потом всегда стыдился этих халтурных поделок. И в Таллин его потянуло не желание получить

постоянное место работы в газете, а надежда на издание книги. Увы, и этим надеждам не суждено было сбыться.

Положение стало еще более тягостным, когда с 1975 года рассказы Довлатова стали появляться в русских зарубежных изданиях. И, по словам писателя, «на каком-то этапе возникла необходимость выбора между Нью-Йорком и тюрьмой»: в 1987 году выбор был Довлатовым сделан.

Родившийся в эвакуации и умерший в эмиграции Сергей Довлатов со справедливой горечью заметил: «От хорошей жизни писателями не становятся». О цели своей литературной работы он говорил с взыскательной скромностью: рассказывать о том, как живут люди. На самом деле рассказывал о том, как они «не умеют жить». И в первую очередь лишен был этого навыка сам автор собственной персоне. Помноженное на талант неумение «жить как все», когда Довлатов входил в литературу 70-х, было равнозначно катастрофе. Судьба обрекла его на роль диссидентствующего индивидуалиста. Довлатов был неудобен в общении – умный, язвительный, пьющий, тайное делающий явным, сплетни переводящий в жанр рассказа. И эти рассказы были ярки, психологически точны, тонко ироничны. Особенно доставалось знакомым литераторам. Ценитель «изящной словесности», их дремучую необразованность, языковую глухоту он сделал главной мишенью насмешки.

Довлатов был часто неосмотрителен – «рубил сук». Он постоянно подшучивал, порой обидно, над людьми, с которыми его связывали деловые отношения. Вообще чрезмерность была ему свойственна: он на две головы возвышался над толпой на Невском проспекте, был самым и высоченным, и здоровенным, и талантливым. Его перу же было свойственно удивительное чувство меры, стилистической элегантности, великолепное чувство смешного. Притом, что писал он о грубом абсурде, из которого сляпана жизнь. Он был вынужден заниматься профессиональной газетной поденщиной: необходимостью писать на любую тему, в любое время, заниматься откровенной халтурой. Он работал в ленинградских многотиражках «Знамя прогресса» и «За кадры верфям», в самой официально-партийной таллиннской «Советской Эстонии». Писал за колхозниц письма Брежневу, писал о строителях и новаторах, о фронтовиках и комсомоле...

Позже в повести «Компромисс» он издевательски опишет оборотную сторону всей этой халтуры: пьянки с секретарями райкомов, ложь и жестокий цинизм по отношению к своим героям, всем этим

дояркам, строителям, передовикам. Довлатов эту свою «сучность» сам же и описывал, он не боролся с режимом, он описывал реальность, рассказывал о том, что он видел, и это лживое (то есть печатное) слово являлось источником существования писателя.

Каждый из рассказов книги «Компромисс» предваряется краткой корреспонденцией, опубликованной автором в газете «Советская Эстония», далее рассказывается о том, как все было на самом деле. Сопоставление двух текстов вызывает, прежде всего, комический эффект. В «Компромиссе одиннадцатом» скорбный и возвышенный, как это принято, тон газетной корреспонденции о торжественных похоронах директора телестудии, резко контрастирует с рассказом о происшедшем на кладбище. Многие из присутствующих покойника не знали, произносили заранее написанные по трафарету слова, да и в гробу, как выяснилось, лежал совсем не тот, с кем пришли попрощаться люди. И тут, конечно, не до смеха. И не только потому, что кощунственно смеяться в такой ситуации, – поменять (раз уж произошла столь прискорбная путаница) надгробия труднее, чем тайно, ночью, поменять местами покойников: ведь директор телестудии «номенклатурный работник», и потому «должен быть захоронен на привилегированном кладбище». Исправить нелепую ошибку можно только с помощью откровенно абсурдных действий.

Сюжеты ли «ввязались» к Довлатову, или он, с его бурным темпераментом, сам создавал их? Вот один из них. Однажды в комиссии они с другом увидели шикарный свитер, и Довлатов страстно захотел его купить. Пошли занимать деньги к знакомому фарцовщику – и тот, зевая, небрежно вытащил из халата комок денег: «Сколько тебе?». Нужную сумму взяли, но уже выйдя, возмутились. Бывает так называемое «остроумие на лестнице», но в данном случае была продемонстрирована «лестничная совесть»: «Мать за такие деньги слепнет, да видел я этот свитер!». Через двадцать минут герои уже сидят в пашльчонной. Весьма характерная для Довлатова (и его героев) развязка мучительных моральных проблем. Не просто очередная острая ситуация, перешедшая, по нашему обычаю, в спасительно-губительный загул, а еще и модель всех рассказов. Мол, моральных проблем мы не отрицаем, но решаем их по-своему, по-довлатовски – «компромиссом». Деньги в лицо негодяю и спекулянту не бросим, но зато – возмущенно пропьем.

Правильно говорят, что в моральной снисходительности – главное обаяние довлатовской прозы. Довлатов «провоцирует» жизнь, и

поэтому будничные или даже тягостные ситуации разрешаются смехом и самоиронией. Неисчерпаемым источником сюжетов является его собственная жизнь и жизнь тех, с кем сводила его судьба. И книги его воспринимались как автобиографические, тем более что автор сам уверял читателя в этом. Примером может служить книга «Ремесло» (1984). Она, как почти все у Довлатова, – о себе, о собственной жизни. Повествование начинается с того момента, когда будущему автору книги едва исполнилось три недели, и завершается рассказом о том, как рухнуло затеянное им вместе с другими эмигрантами предприятие – издание русской газеты в Нью-Йорке. Согласно авторской манере, о важнейшем в жизни героя рассказывается в жанре и стиле, издавна именуемом не иначе, как треп. Но речь идет именно о важном: о том, как возникает желание писать, о том, почему высоко оцениваемые рассказы не смогут быть опубликованы на родине, о том, как складывается судьба того, кто покидает родину, в надежде найти свое счастье на чужбине. Истории, постоянно приключаются с рассказчиком, забавны и печальны, краткие – в несколько слов – характеристики, которые появляются на страницах книг, убийственно выразительны. Например, о сотрудниках журнала «Костер», сказано, что «творческое бессилие, отсутствие профессиональных данных компенсировалось совершенной благонадежностью», а об одном из них – что он «по темпераменту был равен мертвому кавказцу». Увы, Довлатов и его сочинения этим требованиям не отвечали, а порядки и нравы, царящие в редакции, вызывают по-довлатовски выраженную тревогу за собственное будущее: «Неизвестно, чем бы это все кончилось. Так, не дай Господь, и в люди пробиться можно».

«Ремесло» – книга о том, как «состоится человек», преодолевая препоны и соблазны, на которые так щедра жизнь, отказываясь приспособляться к обстоятельствам или вкусам начальства, превыше всего ценя возможность оставаться самим собой. И тут, по мнению автора, «нужно освобождаться не только от представлений, норм и догм советской пропаганды, но прежде всего, избавляться от ментальности советского человека: от вечного брюзжания по поводу окружающей жизни, до уверенности, что все можно решить с помощью взятки, и наивного желания прикарманить все, что плохо лежит». К числу «благоглупостей», от которых необходимо освобождаться, отнесено Довлатовым и сформировавшееся у советского человек представление о свободе. Это поистине священная корова:

Россию покидают, громко заявляя о стремлении именно к свободе, непременно произнося при этом громкие слова. Но Довлатову всегда важно увидеть, что стоит за словом: ну, получили, оказавшись в эмиграции, свободу – что дальше? «Свобода – не профессия. Поэтому желательно быть еще и квалифицированным специалистом», – пронизирует автор «Ремесла». Как выясняется, « у свободы нет идеологии, свобода равно благосклонна к дурному и хорошему, под ее лучами одинаково быстро расцветают гладиолусы и марихуана: там цензура и портвейн, здесь свобода и коньяк».

При этом автор вовсе не стремится к утверждению в человеке цинизма, он сокрушает не тягу к идеалу, а распространенные иллюзии: «Что расцветет в человеке, зависит от него самого. Советская власть живет в каждом из нас. В наших привычках и склонностях. В наших пристрастиях и антипатиях. В нашем сознании и нашей душе. Советская власть – это мы. А значит, главное для нас – победить себя. Преодолеть в себе раба и циника, труса и невежду, ханжу и карьериста». Довлатов утверждал, что автор пишет в первую очередь для себя, интерес к нему читателя определяется, так сказать, «личностным обеспечением слова».

Писатель не просто рассказывает о прожитом и пережитом им самим, а сочиняет жизнь, и собственная судьба оказывается ее основанием. Так – в «Ремесле», так – в книге «Наши», наконец – в «Чемодане». Каждая вещь в потрепанном чемодане, с которым автор книги отправился в вынужденную эмиграцию, дает толчок к еще одному воспоминанию, иногда смешному и горькому одновременно. Самым необычным в этой повести является «материальность» чемодана. Довлатов, как фокусник из цилиндра, достает из чемодана истории – вещи. Однако чемодан не только хранит их, но и подводит итог советского периода жизни довлатовского героя: в нем «пропащая, бесценная, единственная жизнь». Каждая вещь становится символом-эпизодом этой жизни, имеет собственную ауру, вызывает поток воспоминаний. Итак, восемь вещей – восемь историй. По сути, их можно назвать историческими отчетами.

Фабулу «Креповых носков» определяет отсутствие товаров на прилавках магазинов и погоня за дефицитными «шмотками». Юмористическую окраску «Номенклатурным ботинкам» придает желание советской номенклатуры покрасоваться на открытии многочисленных «культурно-хозяйственных» объектов. Зато «Приличный двубортный костюм» становится подарком от редакции герою-

рассказчику, которого по ходу повествования обвиняли и в связи с иностранцем, и в шпионских поползновениях. С дружескими посылками, пьяными загулами, диссидентскими акциями связаны истории «Шоферские перчатки», «Куртка Фернана Леже», «Зимняя шапка».

В основе рассказа «Креповые носки» – реальная история: вместе со своими приятелями автор хотел, как нынче говорят, сделать свой бизнес, купив у финок крупную партию носков, надеясь выгодно продать их – увы, как вскоре выяснилось, такими (только отечественными и при этом куда более дешевыми) буквально завалены прилавки магазинов города. «Кто мог ожидать такой подлянки от социалистической экономики!» Бытовая история о неудачной фарцовке заканчивается анекдотом: «Носки мы в результате поделили. Каждый из нас взял 240 пар. После этого было многое».

В рассказе «Номенклатурные ботинки» повествователь, участвующий в изготовлении и установке памятника Ломоносову на одной из станций метро, во время банкета крадет из-под стола ботинки мэра, которые тот почти незаметно снял под столом, разминая затекшие пальцы ног. Большому начальнику приходится срочно сказать больным, чтобы избежать конфузной ситуации. Во время банкета, крепко выпив, один из мастеров вспоминает, как на открытии памятника Ленину обнаружилось, что вождь был изваян с кепкой на голове, тогда как другую сжимал в кулаке. Да и сам Ломоносов, чью память увековечили в мраморе, «выглядел упитанным, женственным и неопрятным. Он был похож на свинью. В сталинские годы так изображали капиталистов». Немудрено, что вскоре открытый с такой помпой памятник был снят по жалобе ученых, считавших, что он «принижает великий образ».

Реальность рассказов Довлатова поражает своей абсурдностью. Охранник Чурилин («Офицерский ремень»), спяну едва не убивший своего напарника Довлатова, его же просит помочь избежать суда, пытается разжалобить пострадавшего: «Я же единственный сын... Брат в тюрьме, сестры замужем». Нелепость сказанного сам Чурилин осознать не способен: что иное может сказать он, «который лосьон «Гигиена» употребляет только внутрь?..»

Кульминацией книги можно назвать «Шоферские перчатки», историю расчетливого диссидента, шведа Шлиппенбаха, желавшего посмотреть на Ленинград глазами его создателя: «Всюду пьянство и бардак. Царь в ужасе кричит – что я наделал?!» Герой рассказа, от лица которого ведется повествование, и которого нарядили Петром I,

сначала замерзает на стрелке Васильевского острова, потом его привозят к пивному ларьку, где «вокруг толпятся алкаши». «Монарх среди подонков», – с пафосом заявляет Шлиппенбах. Среди этих подонков – «людей дна, измученных, хмурых», встречаются и простые работяги и интеллигенты. Сам рассказчик в образе Петра I оказывается своим в толпе, в «роковой очереди» за пивом: «Стою, двигаюсь к прилавку. Слышу – железнодорожник кому то объясняет: «Я стою за лысым. Царь за мной. А ты уж будешь за царем...» А активное вмешательство диссидента-демократа «разгребателя грязи» в жизнь толпы, стоящей за пивом, вызывает резкий отпор: «Ходят тут всякие сатирики, юмористы... Такому бармалею место у параша...» Ну а на память об этом происшествии герой оставляет себе царские краги – шоферские перчатки.

Чемодан – слово, которым названа книга, – оказался поистине неисчерпаемым, каждая вещь в нем служила толчком для появления еще одного рассказа о собственной, складывающейся довольно нелепо судьбе. «Чемодан» построен иначе, чем другие довлатовские книги. Это книга-воспоминание, включающая фрагменты из «Зонь», «Компромисса», «Наших». Ее композиция необычна, не похожа на остальные: с одной стороны, каждая история как бы связана с вещью, а с другой – она нанизана на биографический стержень судьбы писателя. И еще одна особенность этой книги, да и вообще всей прозы Сергея Довлатова, – полное отсутствие в ней назидательности. Он ни на кого не давит, не диктует свои постулаты, не навязывает своего мнения, «не учит жизни, да и сам, по большому счету, не умеет жить». Незаурядная, творческая личность, понимая абсурдность жизни, безысходность независимого существования, наживает проблемы и комплексы, идет на различные компромиссы. Однако писатель показывает все это как-то с юмором, а легкий и непринужденный стиль его прозы объясняется выбранным им жанром повествования – рассказ-анекдот.

Еще одна поразительная особенность прозы Довлатова – зоркость к коллизиям и деталям, в которых запечатлевается именно абсурдность бытия. Это свойство его таланта обнаруживается уже в книге, которая была написана раньше других, но увидела свет спустя едва ли не два десятилетия, – в «Зоне». Писалась она вразрез с устоявшимися уже в «каторжной» литературе (от Достоевского и Чехова до Солженицына и Шаламова) канонами, согласно которым каторжник – жертва, герой, многострадальная фигура, а охранник – монстр

и злодей. Довлатовскую зону встретили поначалу с недоумением: совсем не то, «что надо», маловато «ужасов застенков». В то время гремела «легерная» тема, а это были армейские байки. Кроме того, писатель увидел нечто иное: заключенные особого режима и лагерные надзиратели безумно похожи, таков результат обоюдного влияния. По обе стороны колочей проволоки – единый и жестокий мир: «Я обнаружил поразительное сходство между лагерем и волей. Между заключенными и надзирателями. Мы говорили на одном прибалтийском языке. Распевали одинаковые сентиментальные песни. Претерпевали одни и те же лишения. Мы были очень похожи и даже – взаимозаменяемы. Почти любой заключенный годился на роль охранника. Почти любой надзиратель заслуживал тюрьмы... Я убедился, что глупо делить людей на плохих и хороших. Человек неузнаваемо меняется под воздействием обстоятельств. В лагере – особенно».

В «Зоне», повествующей о службе автора (в книге лирический герой носит имя Борис Алиханов) в лагерной охране, Довлатов сопровождает лагерные рассказы комментирующими письмами к издателю. В самом начале книги писатель говорит о том, что за решеткой ему открылась «правда». Но эта правда иного смысла: «Мир, в который я попал, был ужасен. В этом мире дрались заточенными рашилями, ели собак, покрывали лица татуировкой и насиловали коз. В этом мире убивали за пачку чая. Мир был ужасен. Но жизнь продолжалась. Более того, здесь сохранились обычные жизненные пропорции. Соотношение добра и зла, горя и радости оставалось неизменным. Мир, в который я попал, был ужасен. И все-таки улыбался не реже, чем сейчас. Грустил – не чаще».

Сходство внешнего мира и зоны настолько очевидно, что нуждается лишь в кратких поясняющих ремарках. Так, по Довлатову, никакой существенной разницы между охранниками, вообще «вольными» и заключенными не существует: «Она была вольная, но с лагерными манерами и прибалтийской речью. Вообще административно-хозяйственные работники через месяц становились похожи на заключенных. Даже наемные инженеры тянули по фене. Не говоря о солдатах...» Нельзя не заметить ту настойчивость, с которой Довлатов подчеркивает, что лагерь «представляет собой точную модель государства, причем именно советского государства». В «Зоне» обнаруживается «поразительное сходство между лагерем и волей, объясняемое тем, что лагерь учреждение советское – по духу, по внутренней сути».

В рассказе «Представление» заключенными разыгрывается для заключенных же спектакль про Ленина и Дзержинского. Дзержинского играет наркоман Цуриков, получивший срок за совращение малолетних. В роли Ленина – «упорный вор Гурин». «Дзержинскому», когда тот беседует с «Лениным», подсказывают из зала: «Встань, Мотылина! Как ты с паханом базаришь?» Зэк Гурин, исполнитель роли Ленина, вдруг осознает, что разница между эками и «вождями революции» состоит лишь в том, что «беспредельщики» совершили свои преступления безнаказанно. Предельная нелепость происходящего вызывает острый приступ хохота у зрителей: трудно удержаться от смеха, когда два эка произносят со сцены высокие слова, обращенные к «славным внукам революции». Сидящие в зале «внуки» реагируют столь своеобразно, что сам «Ленин» переходит на привычный в среде эков язык.

В финале «Представления» происходит полное сближение мира социалистических иллюзии и зоны, их соединяет абсурд. Рецидивист Гурин, исполняющий роль Ленина, обращается к залу с казенно-патетической речью вождя: «Кто это?!» – воскликнул Гурин. «Кто это?!» Из темноты глядели на вождя худые, бледные физиономии. «Кто это? Чьи это счастливые юные лица? Чьи это веселые блестящие глаза? Неужели это молодежь семидесятых?» В голосе артиста звенели романтические нотки. Речь его была окрашена неподдельным волнением. Он жестикулировал. Его сильная, покрытая татуировкой кисть указывала в небо».

Первая реакция на явление абсурда однозначна – хохочут все, без различия социального статуса. Затем возникает чувство протеста, смех едва не перерастает в бунт: «Замри, картавый, перед беспредельщиной!» Но следующий поворот совершенно неожидан: – коммунистический гимн «Интернационал» – символ всего того, что только что вызвало и смех и протест, – снимает назревающий взрыв. Поют все, и абсурд предстает здесь как вечная, изначальная сущность человеческой жизни. Причем жестокость, голод, память, злоба в контексте представления про вождей революции, годовщины октябрьского переворота («Шестьдесят лет свободы не видать...») непосредственно ассоциируется с войнами, террором, потерями, которые превратили этот абсурд в норму жизни.

«Зона» – самое сильное произведение С. Довлатова, стала книгой, вынудившей писателя к эмиграции. Он хотел книгой изжить в себе «зону». Получилось наоборот. «Зона» определила всю его даль-

нейшую жизнь, вплоть до кошмарного конца незадолго до пятидесятилетия – в душливый летний день в машине «скорой помощи», с хлынувшей горлом кровью и двумя малограмотными пуэрториканскими санитарями. Мерзость и беспредел зоны достигли его и в Америке.

Все же уцелел Довлатов благодаря эмиграции. С 1978 года – двенадцать лет – он жил в США. Выпустил двенадцать книг на русском языке. Стал лауреатом премии американского Пен-клуба, печатался в престижном «Нью-Йоркере». Книги Довлатова, написанные в эмиграции, – «Зона», «Компромисс», «Заповедник», «Чемодан», «Наши» – история нашей с вами жизни. Снисходительно отношение к человеческим слабостям – при заниженном уровне самооценки – сообщает довлатовской прозе особое обаяние и юмор. Необычна позиция автора по отношению к описываемым им абсурдным характерам и обстоятельствам: он действует по принципу китайских мудрецов, утверждающих, что море всегда победит реки, потому, что оно ниже их. Так и Довлатов «завоевал читателей тем, что он был не выше и не лучше их: описывая убогий мир, он смотрит на него глазами ущербного героя, героя, которому нечему научить читателя».

Довлатов пишет рассказы-анекдоты, используя способность анекдота к выражению универсального смысла если не бытия в целом, то частностей сегодняшней жизни. В книге «Наши» воспроизведен эпизод из жизни обитателей коммунальной квартиры: работавшая корректором в три смены, никогда не выспавшаяся мать рассказчика однажды, не выдержав вечного шума, повесила на дверях комнаты «отчаянный лозунг: «Здесь отдыхает полутруп. Соблюдайте тишину!» И вдруг наступила тишина. Это было неожиданно и странно». Обычно грохотавший военными сапогами отставной полковник Тихомиров «бродил по коридору в носках. Хватал всех за руки и шипел»: «Тихо! У Довлатовой ночует политрук!» Это внушало уважение к женщине, которая обрела «личное счастье», да к тому же – «с идейно выдержанным товарищем». Но еще упомянутый товарищ «мог оказаться старше Тихомирова по воинскому званию». Эпизод стоит повторить, анекдотический, но очень выразительно характеризующий эпоху в целом, воспитанных ею людей и вполне утвердившуюся здесь систему их отношений. Метаморфоза, произошедшая с полковником Тихомировым, воспринимается как вполне естественная в условиях того времени, о котором идет речь у Довлатова. И самое печальное то, что воспринимается она именно так. Поистине смех сквозь невидимые миру слезы.

Герои Довлатова понимают абсурдность жизни и не ищут от нее защиты, более того, находят в ней радость непредсказуемого: «Жизнь грустна, но не безнадежна, а смеются там, где плачут». Своего рода обнажение довлатовского видения абсурдности происходит в рассказе «Брат» из семейно-биографического цикла «Наши». В этом рассказе несколько раз повторяется одна и та же жизненная ситуация: брат Борис быстро идет в гору, добивается необычайных успехов, а потом срывается в какое-то бессмысленное преступление. Эту повторяемость Довлатов подчеркивает однотипными фразами-сигналами: «И вдруг произошло нечто фантастическое... Не поддающееся описанию... У меня буквально не хватает слов»; «И вдруг мой братец снова отличился. Я даже не знаю, как лучше выразиться. Короче, Боря совершил двенадцать ограблений»; «Дальше я вынужден повторяться».

Брат бесспорно талантлив, причем не в какой-то определенной сфере, а именно в искусстве удачно жить – он неизменно легко добивается симпатии окружающих, он с изяществом добивается того, что другим достается тяжелым трудом. Он умен и хладнокровен, и именно благодаря этим качествам он находит выход из ужасной ситуации, когда он в пьяном виде задавил человека, офицера советской армии. Борис – талантливый конформист, он не просто приспосабливается к обстоятельствам, он заставляет любые обстоятельства работать на себя. Причем, чем хуже обстоятельства, тем эффективнее его победа. Талант конформизма в советских условиях прямо ведет к власти – «предрасположенность» Бориса к власти подчеркивается «тайной его происхождения»: его отцом оказывается заместитель Кирова Угаров. В замечательной сцене тюремного свидания Борис точно – но в совершенно неподходящих условиях – воспроизводит речевой стиль и всю манеру поведения солидного советского начальника: «Да, загубил Никита сельское хозяйство... А было время – Европу кормили... Послал тут одного деятеля за водкой, и с концами... Какой-то бардак, а не воинское подразделение... А этого свержрочника я все равно приморю. Для меня главное в человеке – ответственность». Абсурдность ситуации подчеркивается тем, что на «бардак в воинском подразделении» сетует заключенный, которому охранник вовремя не принес из магазина водку.

Противоречие возникает между талантливостью как таковой и природой Бороного таланта. Талантливость обладает взрывным, абсурдистским эффектом непредсказуемости и поэтому толкает брата

на фантастические, иррациональные поступки. Вроде того, что сделал Борис накануне окончания школы – «помочился из окна второго этажа на бывшего лагерного нарядчика, а ныне директора школы Чеботарева», или когда, будучи завлитом Театра Ленинского комсомола, ограбил с товарищем двенадцать заграничных автобусов. С другой стороны, его конформизм проявляется именно тогда, когда для простого выживания требуются совершенно невероятные усилия – в тюрьме, в лагере. «Я думаю, он мог жить только в неволе. На свободе он распускался и даже заболел», – пишет Довлатов. Как криминальные наклонности, так и начальственный тон брата в тюрьме, как ни странно, соответствуют его собственной «генетической» природе – хоть незаконный, а все-таки сын большого коммунистического – то есть, по Довлатову, однозначно уголовного – начальника.

Контрапунктом к истории брата проходит через рассказ история самого Довлатова. Если брат удачник и конформист, то у Довлатова талант – совершенно противоположный: неудачника и нонконформиста. Естественно, братьев то и дело разносит в разные стороны. Но нелепые дары, полученные рассказчиком от брата, («четыре куса рафинада, японские сигареты «Хи лайт», голубая фуфайка, да еще вот это штопор»), оказываются самыми дорогими в его собственной жизни. А Борис отказывается искать родственников со стороны своего биологического отца, говоря Сергею: «У меня есть ты, и больше никого...» Правда аргументирует это братское родство вполне абсурдно (а может ли быть иначе): «Как странно! Я – наполовину русский. Ты – наполовину еврей. Но оба любим водку с пивом».

Все дело в том, что абсурд у Довлатова обладает «особой, скрытой человеческой теплотой, обнаруживающей и подтверждающей человеческое родство». Не случайно большинство рассказов из цикла «Наши» завершаются довлатовским признанием в родстве: «Мои внуки будут нас путать, мы похожи. Немолодые раздражительные чужестранцы с комплексами». В конечном счете, абсурд у Довлатова выступает как основа порядка в человеческой судьбе, в отношениях с людьми, в мироздании. Довлатовский абсурд делает мир постижимым и понятным.

Автор, сочувствующий людям в их слабости, а не обличающий их, живет интересами «лишних людей». Лишним оказался и сам Довлатов в нашем отечестве. На примере своей жизни и жизни своих друзей он сочинял свои печально-смешные рассказы. В Америке Довлатов быстро понял, что эмигрантская среда, в которой он ока-

зался, и вынужден будет находиться до конца дней, ему тесновата, что уровень литературы и эмигрантской прессы на Западе порой даже ниже, чем советский. Что убежав, уехав от советской пошлости, он попал в ее же раствор – как бы не еще более крепкий. Эта среда вызывала у Довлатова отчетливо неприязненное отношение – «пониженную общительность».

Довлатов нанес сокрушительный удар по мифу об эмиграции, и ее особо священной роли спасительницы русской культуры. Оказалось, что и в России и в эмиграции его талант раздражал окружающих, его старались «не замечать». Он поражался лютой ненависти своих сотоварищей ко всему русскому, всегда выступал против примитивных антисоветских бредней эмиграции: «Я не спорю, Советское государство – не лучшее место на земле. И много там было ужасного, и много хорошего. Я уцелел благодаря эмиграции. Что не мешает любить покинутую родину».

У Сергея Довлатова – типичная судьба русского писателя. Он был лишним и ненужным для официозной застойной элиты и для русскоязычной, ненавидящей бывшую родину, среды. Как считал Довлатов, он «всю жизнь непредвзято воссоздавал истории человеческих сердец, но сердца эти бились в людях «лишних», потерянных, спившихся, нищих, живущих в его России. «Родина – это мы сами. Наши первые игрушки. Перешитые курточки старших братьев. Бутерброды, завернутые в газету. Мелочь из отцовского кармана. Стакан «Агдама» в подворотне. Армейская махорка. Рукопись, милиция, ОВИР... Все, что с нами было – родина. И все, что было – останется навсегда».

Довлатов скончался 24 августа 1990 года, в Нью-Йорке, в машине скорой помощи. Через пять лет в России будет подписана к печати его первая большая книга – «Заповедник». Чуть-чуть не доживший до 49 лет и до самой смерти почти неизвестный на родине писатель оказался удивительно востребованным в эпоху перемен. Этой востребованности так не хватало в его реальной жизни в Ленинграде, в Таллине, в Нью-Йорке.

Главный литературный персонаж Довлатова – этаким брутальный неудачник. Ведь если внимательно прочесть его прозу, то можно заметить две характерные черты: мужество и неудача. Его герой – мужественный человек, которому не везет. Умный, остроумный неудачник, который своей иронией преодолевает эту жизненную неудачу. Говорят, что проза Довлатова слишком проста, слишком нормальна. Но это – изысканная простота, гениальная нормальность.

Довлатов жестоко страдал от непризнания и непонимания окружающих. Незадолго до смерти он написал: «Приступы депрессии учащаются, именно депрессии, то есть беспричинной тоски, бессилия и отвращения к жизни. Просто я всю свою жизнь чего-то ждал..., а сейчас все прошло, ждать больше нечего, источников радости нет. Главная моя ошибка – в надежде, что, легализовавшись, как писатель, я стану веселым и счастливым. Этого не случилось».

Думается, что корень подобной беды в том, что успех к нему пришел поздно. Наверное, он слишком долго его ждал. И пришел он не так, как Довлатову бы хотелось: в Америке, при ограниченном количестве читателей, потому что на английский переводились считанные рассказы. И некая неестественность этого успеха им ощущалась. К сожалению, он не дожил до своего колоссального успеха в России. Его смерть была нелепой и случайной, но, возможно, это был закономерный финал. Об этом сказал его друг, известный ленинградский писатель С. Попов: «Начав по-настоящему много писать уже в эмиграции, он очень быстро сделал очень много, и, может быть, надорвался. Сергея Довлатова можно назвать Писателем с большой буквы. Он дошел до вершины, на ней и остался. И пока не появятся в нашей литературе писатели его уровня, качество прозы Довлатова в наших глазах будет только улучшаться».

Произведения С. Д. Довлатова

Собрание сочинений : в 4 т. – СПб. : Азбука, 2000.

Т. 1 : Компромисс ; Хочу быть сильным ; Блюз для Натэллы ; Эмигранты. – 398 с.

Т. 2 : Зона : записки надзирателя ; Заповедник ; Наши ; Статьи. – 489 с.

Т. 3 : Ремесло ; Иностранка ; Чемодан ; Холодильник ; Из рассказов о минувшем лете. – 456 с.

Т. 4 : Филиал : записки ведущего ; Записные книжки ; На литературные темы : статьи, выступления, интервью. – 395 с.

Собрание прозы : в 3 т. – СПб. : Лимбус-пресс, 1995.

Т. 1 : Зона : записки надзирателя ; Компромисс ; Заповедник. – 414 с.

Т. 2 : Ремесло ; Наши ; Чемодан ; Виноград ; Встретились, поговорили ; Ариэль ; Игрушка. – 382 с.

Т. 3 : Иностранка ; Филиал ; Демарш энтузиастов ; Записные книжки ; Два интервью. – 373 с.

Записные книжки (Ленинград, 1967–1978 ; Нью-Йорк, 1979–1990). – Л. : Искусство, 1992. – 94 с.

Зона : записки надзирателя ; Компромисс ; Заповедник. – М. : ПИК, 1991. – 349 с.

Чемодан : сборник. – Л. : Совет. писатель, 1991. – 100 с. – Содерж. : Креповые финские носки ; Номенклатурные полуботинки ; Приличный двубортный костюм ; Офицерский ремень ; Куртка Фернана Леже ; Поплиновая рубашка ; Зимняя шапка ; Шоферские перчатки ; Холодильник.

Чемодан : повести. – М. : Моск. рабочий, 1991. – 333 с.

Армейские письма к отцу // Звезда. – 1998. – № 5. – С. 108–114.

Два рассказа // Звезда. – 1993. – № 8. – С. 42–46. – Содерж. : Ариэль ; Игрушка.

Два эссе // Звезда. – 1993. – № 1. – С. 123–126. – Содерж. : Последний чужак ; Верхом на улитке.

Девять писем Тамаре Уржумовой // Звезда. – 2000. – № 8. – С. 137–150.

Жизнь коротка : рассказ // Звезда. – 1996. – № 3. – С. 69–73.

Зона : записки надзирателя // Октябрь. – 1991. – № 12. – С. 3–77.

Из записных книжек // Звезда. – 1992. – № 2. – С. 7–34.

Из рассказов последних лет // Звезда. – 1995. – № 1. – С. 67–76. – Содерж. : Третий поворот налево ; На улице и дома ; Мы и гинеколог Буданицкий.

Иная жизнь : сентимент. повесть // Звезда. – 1994. – № 3. – С. 91–109.

Иностранка : повесть // Октябрь. – 1990. – № 4. – С. 141–193.

Литература продолжается // Звезда. – 1994. – № 3. – С. 112–118.

Лишний : рассказ // Звезда. – 1991. – № 1. – С. 102–120.

Марш одиноких : рассказ // Звезда. – 1994. – № 3. – С. 3–55.

Мой старший брат : рассказ // Огонек. – 1990. – № 24. – С. 29–31.

Мы начинаемся в эпоху застоя : воспоминания // Звезда. – 1994. – № 3. – С. 109–111.

Ослик должен быть худым : сентимент. детектив // Звезда. – 1994. – № 3. – С. 77–91.

Переводные картинки : очерк // Иностр. лит. – 1990. – № 9. – С. 203–211.

По прямой : рассказ // Огонек. – 1991. – № 3. – С. 12–15.

Представление : рассказ // Звезда. – 1990. – № 10. – С. 57–70.

Рассказы из книги «Чемодан» // Октябрь. – 1989. – № 7. – С. 118–139. – Содерж. : Предисловие ; Приличный двубортный костюм ; Куртка Фернана Леже ; Шоферские перчатки.

Роль : рассказ // Звезда. – 1994. – № 3. – С. 72–76.

Рыжий : рассказ // Звезда. – 1994. – № 3. – С. 119–120.

Солдаты на Невском : ранняя проза // Звезда. – 1994. – № 3. – С. 64–77.

Соло на «ундервуде» : рассказ // Лит. обозрение. – 1991. – № 4. – С. 71–73.

Старый петух, запеченный в глине : рассказ // Звезда. – 1994 – № 3. – С. 55–64.

Фишиал : записки ведущего // Звезда. – 1989. – № 10. – С. 21–88.

«Я рад, что мы с Вами дожили до странных времен...» : восемь последних писем С. Довлатова // Юность. – 1993. – № 5. – С. 71–75.

Литература о творчестве С. Д. Довлатова

Генис, А. Довлатов и окрестности : филолог. роман / А. Генис. – М. : Вагриус, 1999. – 286 с.

Сергей Довлатов: творчество, личность, судьба : итоги первой междунар. конф. «Довлатовские чтения» / сост. А. Ардов. – СПб. : Журн. «Звезда», 1999. – 317 с.

Малоизвестный Довлатов. – СПб. : Журн. «Звезда», 1999. – 508 с.

О Довлатове : статьи, рецензии, воспоминания. – Тверь : Кн. изд-во, 2001. – 147 с.

Попов, В. Довлатов / В. Попов. – М. : Молодая гвардия, 2010. – 355 с.

Сухих, И. Сергей Довлатов: время, место, судьба / И. Сухих. – СПб.: Журн. «Звезда», 1996. – 124 с.

Аверченко, В. Мастер мифа и пиара Сергей Довлатов / В. Аверченко // Лит. Россия. – 2010. – № 42. – С. 6.

Попов, В. Победили мы, герои Довлатова! / В. Попов // Родина. – 2010. – № 9. – С. 153–160.

Попов, В. Довлатов: золотое клеймо неудачи / В. Попов // Октябрь. – 2010. – № 8. – С. 80–138.

Семкин, А. Почему Сергею Довлатову хотелось быть похожим на Чехова? / А. Семкин // Нева. – 2009. – № 12. – С. 147–159.

Семкин, А. Зощенко и Довлатов : о двух великих рассказчиках / А. Семкин // Нева. – 2008. – № 11. – С. 197–208.

Кучина, Т. Построение прошлого : повествователь и автобиограф. герой в прозе Сергея Довлатова / Т. Кучина // Рус. словесность. – 2008. – № 2. – С. 25–28.

Сенчин, Р. Опоздавший быть романтиком : о Сергее Довлатове / Р. Сенчин // Лит. Россия. – 2005. – № 48. – С. 6–7.

Мильчин, А. Довлатов и его герои / А. Мильчин // Нева. – 2003. – № 12. – С. 251–256.

Агеев, А. Довлатов: ранние окрестности / А. Агеев // Вопр. лит. – 2003. – № 5. – С. 235–240.

Шлиппенбах, Н. «И явил нам Довлатов Петра...» : воспоминания о писателе / Н. Шлиппенбах // Звезда. – 2003. – № 5. – С. 197–206.

Хант, В. Истоки музыки : о письмах Сергея Довлатова / В. Хант // Вопр. лит. – 2002. – № 3. – С. 271–283.

Вайль, П. Сергей Довлатов: между реальностью и словесностью / П. Вайль // Новое время. – 2001. – № 37. – С. 38–40.

Иваницкая, Е. Сергей Довлатов / Е. Иваницкая // Дружба народов. – 2001. – № 4. – С. 199–206.

Вайль, П. Бродский о Довлатове / П. Вайль // Звезда. – 2000. – № 8. – С. 148–150.

Сальмон, Л. Наименее советский город России : хронотоп довлатов. рассказов / Л. Сальмон // Звезда. – 2000. – № 8. – С. 151–155.

Бондаренко, В. Плебейская проза Сергея Довлатова / В. Бондаренко // Наш современник. – 1997. – № 12. – С. 257–270.

Чекалова, С. О прозе Сергея Довлатова / С. Чекалова // Новый мир. – 1997. – № 4. – С. 220–224.

Елисеев, Н. Другие истории : малоизвестный Сергей Довлатов / Н. Елисеев // Новый мир. – 1996. – № 11. – С. 232–235.

Абдуллаева, З. Между зоной и островом : о прозе Сергея Довлатова / З. Абдуллаева // Дружба народов. – 1996. – № 7. – С. 211–213.

Вайль, П. Довлатов на Бродвее / П. Вайль // Иностр. лит. – 1995. – № 6. – С. 170–174.

Зерчанинов, Ю. Воспоминания о Сергее Довлатове / Ю. Зерчанинов // Юность. – 1995. – № 6. – С. 22–24.

Анастасьев, Н. «Слова – моя профессия» : о прозе Сергея Довлатова / Н. Анастасьев // Вопр. лит. – 1995. – № 1. – С. 3–23.

Пруссакова, И. Вокруг да около Сергея Довлатова / И. Пруссакова // Нева. – 1995. – № 1. – С. 194–198.

Елисеев, Н. Человеческий голос : о прозе Сергея Довлатова / Н. Елисеев // Новый мир. – 1994. – № 11. – С. 212–225.

Топоров, В. Сергей Довлатов между байками и бессмертием / В. Топоров // Смена. – 1994. – № 2. – С. 21–25.

Вайль, П. Искусство автопортрета : о прозе Сергея Довлатова / П. Вайль, А. Генис // Звезда. – 1994. – № 3. – С. 177–180.

Памяти Сергея Довлатова // Звезда. – 1994. – № 3. – С. 121–174.

Воспоминания друзей о Сергее Довлатове // Звезда. – 1994. – № 3. – С. 121–176.

Серман, И. Гражданин двух миров Сергей Довлатов / И. Серман // Звезда. – 1994. – № 3. – С. 187–192.

Сухих, И. О ремесле писателя / И. Сухих // Звезда. – 1994. – № 3. – С. 180–187.

Топоров, В. Дом, который построил Джек : о прозе Сергея Довлатова / В. Топоров // Звезда. – 1994. – № 3. – С. 174–176.

Бродский, И. О Серее Довлатове : эссе / И. Бродский // Звезда. – 1992. – № 2. – С. 4–6.

Камянов, В. Свободен от постоя : о Сергее Довлатове / В. Камянов // Новый мир. – 1992. – № 2. – С. 242–244.

Зверев, А. Записки случайного постояльца / А. Зверев // Лит. обозрение. – 1991. – № 4. – С. 65–70.

Арьев, А. Сергей Довлатов / А. Арьев // Звезда. – 1991. – № 1. – С. 101–102.

Литература об отдельных произведениях

Елисеев, Н. О «Собрании прозы» Сергея Довлатова / Н. Елисеев // Новый мир. – 1994. – № 11. – С. 212–225.

Перемышлев, Е. «Записные книжки (Ленинград, 1967–1978 ; Нью-Йорк, 1979–1990)» / Е. Перемышлев // Октябрь. – 1993. – № 9. – С. 178–180.

Плотникова, А. «Сочувствовать ходу жизни в целом...» : пушкин. тема в «Заповеднике» С. Довлатова / А. Плотникова // Рус. словесность. – 2007. – № 6. – С. 35–38.

Тудоровская, Е. Путеводитель по «Заповеднику» С. Довлатова / Е. Тудоровская // Звезда. – 1994. – № 3. – С. 193–199.

Сухих, И. «Зона» : два ада и чужие голоса / И. Сухих // Нева. – 1996. – № 9. – С. 196–210.

Камянов, В. О книге С. Довлатова «Зона : записки надзирателя» / В. Камянов // Новый мир. – 1992. – № 2. – С. 242–244.

Курицын, В. Вести из филиала : о повести Довлатова «Иностранка» / В. Курицын // Лит. обозрение. – 1990. – № 12. – С. 41–42.

Арьева, А. Театрализованный реализм в повести «Филиал» / А. Арьева // Звезда. – 1989. – № 10. – С. 19–20.

Дарк, О. Миф о прозе : о повести «Чемодан» / О. Дарк // Дружба народов. – 1992. – № 5. – С. 219–234.

Камянов, В. «Чемодан» С. Довлатова / В. Камянов // Новый мир. – 1992. – № 2. – С. 242–244.

Пруссакова, И. О повести Сергея Довлатова «Чемодан» / И. Пруссакова // Нева. – 1992. – № 2. – С. 262–264.

Содержание

От составителя	3
Сергей Донатович Довлатов и его творчество	4
Произведения С.Д. Довлатова	20
Литература о творчестве С.Д. Довлатова	22
Литература об отдельных произведениях	26

**Амурская областная научная библиотека
имени Н.Н. Муравьева-Амурского**

Тел/факс: (4162) 23-73-90

**E-mail: aonb@tsl.ru
www.libamur.ru**